

Inconsistencies between certain provisions of the Russian Family Code and constitutional-legal principles

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-68-77

Research article
Full text in Russian

The article examines certain provisions of the Russian Family Code that, to varying degrees, fail to align with constitutional legal principles concerning the comprehensive protection of family, parenthood, and childhood, as well as the principles of equality (in this case, equality of children regardless of the circumstances of their birth), and the state's duty to foster civic responsibility, patriotism, and respect for elders in children. The analysis is conducted within the framework of key family law institutions, including marriage, parenthood, childhood, child support, and property relations within marital unions. Attention is also drawn to several legal positions taken by higher courts, which contain controversial interpretations that do not ensure a fair application of constitutional norms regarding family and familial relationships. The article proposes potential legal amendments aimed at bringing family legislation into greater conformity with constitutional values.

Keywords: family interests; constitutional meanings; family; parenthood; childhood; family law; unfair decisions

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
-----------------------	--

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-023)

О несоответствии некоторых положений Семейного кодекса РФ конституционно-правовым смыслам

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-68-77
УДК 347.61/64

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются те положения Семейного кодекса РФ, которые не соответствуют в той или иной мере конституционно-правовым смыслам о всемерной защите интересов семьи, родительства, детства, идее равенства граждан (в нашем случае – детей, независимо от обстоятельств их рождения), задаче воспитания в детях гражданственности, патриотизма, уважения к старшим. Предлагаемый анализ осуществляется в рамках институтов брака, родительства и детства, материальной поддержки детей, отношений собственности в супружеском союзе. Обращается также внимание на ряд правовых позиций высших судов, в которых содержатся спорные суждения, не обеспечивающие справедливого подхода к реализации конституционных положений о семье и семейных отношениях. Предлагаются варианты корректировки семейного закона.

Ключевые слова: интересы семьи; конституционно-правовые смыслы; семья; родительство; детство; семейный закон; несправедливые решения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой социального и семейного законодательства,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-023)

С поправками 2020 года и без оных конституционно-правовые смыслы в своей принципиальной основе остались неизменны: всемерная государственная поддержка прав и интересов семьи, материнства и детства, равенство прав граждан, в том числе субъектов семейного права, невмеша-

тельство государства в частные дела (а точнее, вмешательство в строго ограниченных пределах), обеспечение тайны личной жизни, ограничение прав и свобод только на основании конституционно-правовых критериев, поддержка членов семьи, нуждающихся в заботе. Некоторые дополнительные акценты, производные от идеологии традиционных семейных ценностей (знамении последнего времени) проставлены в означенных конституционных новеллах: о конститутивной сущности супружества, долженствовании государства, общества, родителей и других граждан, осуществляющих заботу о детях на законных основаниях, воспитывать в них патриотизм, гражданственность, уважение к старшим. Видимо, в качестве итога противодействия различными общественными объединениями «за права отцов» некоторым матриархатным «замашкам» правоприменительной практики в ткань Основного закона внедрено также положение о защите отцовства, отсутствовавшее в норме ст. 38. Все означенные конституционные декларации так или иначе, в наиболее существенных компонентах своего содержания, в рамках современного прочтения традиционных семейных ценностей (а на самом деле во многом – возврата к доброму былому...), должны конкретизироваться в отраслевом семейном законодательстве [1–3].

Однако, хотя в целом наш тридцатилетний Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) означенным идеям соответствует как в основных положениях ст. 1, так и в конкретных институтах, полной гармонии между конституционными заявлениями и его семейно-правовой нормативистикой все же нет. Причем наряду с неизбежными компромиссами (например, перенос расторжения брака из административной подведомственности в судебную – при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей; между формально установленным размером алиментов на ребенка и возможностью уменьшения суммы с учетом материального и семейного положения сторон, и т. п.), а также ситуациями, где оная гармония в принципе невозможна (например, при сокрытии факта состояния в браке при заключении второго супружеского союза, злоупотреблении, в жесткой форме, родительскими правами и т. п.), в кодексе присутствуют нормы с ущербным содержанием, либо порождающие пробелы в правовом регулировании отношений, содержащих значимые интересы, либо своей избыточной неопределенностью вызывающие к субсидиарному применению гражданского закона – там, где последний неуместен или бессилён.

В нашу задачу, в рамках предлагаемого текста, не входит демонстрация и анализ всех подобных недочетов и явных ошибок основного семейного закона – большинство из них обозначено в доктрине с соот-

ветствующей критикой, предложениями *de lege ferenda* или корректировкой на уровне судебного правотворчества высших судов либо судебной практики [3–5]. Однако в связи с его юбилеем, вопреки традиции писать о юбиляре хвалебные речи (уже тот факт, что в кодекс в течение этого времени массово не вносилось существенных поправок, свидетельствует о приемлемом качестве семейного закона в целом), подчеркнем наиболее уязвимые, на наш взгляд, места – и притом не все из них, а те, которые явным образом не соответствуют конституционным смыслам.

Так, мы неоднократно отмечали (в общем хоре с другими представителями семейно-правовой доктрины), что отсутствие в СК РФ понятийного аппарата – один из ключевых его пробелов. При этом понимаем, что ситуация осложняется прежде всего невозможностью договориться (и на доктринальном, и на законопроектном уровнях) об определении понятия «семья»: предлагается либо расплывчатая дефиниция (соответственно не устраивающая стороны дискуссии, например, законопроектные версии группы под руководством Е. Б. Мизулиной), либо определение, включающее совместное проживание членов семьи и общую семейную экономику в качестве конститутивных признаков, с допущением временного проживания за ее пределами по уважительным причинам, – см. труды автора статьи¹). Следует подчеркнуть, что в цивилистике даже договорились до возможности различного подхода к сущности семьи – в зависимости от потребностей той или иной отрасли... [9] Однако полагаем, что речь может идти только об отдельных акцентах – при общем согласовании существенных признаков семейного союза, которые, кстати, вполне достойно представлены, ввиду игнорирования проблемы на федеральном уровне, в региональном законодательстве (например, в Башкортостане) [9].

В институте брака, как известно, не только не предложено определение понятия супружеского союза, но и не отражены актуализировавшиеся в последние годы условия его заключения и основания признания его недействительным. Первое предполагается избыточным – ввиду фиксации наиболее проблемного признака (гендерного) на конституционном уровне. Второе же – игнорируется. Между тем состояние здоровья (в том числе генетические противопоказания), биологическая способность к родительству, отдельные остро негативные характеристики кандидата (например, судимость за тяжкое преступление и т. п.) имеют жизненно важное значение для будущности брака и каждого из супругов (в том числе и за пределами семейной проблематики). Однако

¹ Ввиду большого их числа предлагаем ссылку на работу, где это освещено наиболее полно [9].

ни законопроектов, ни рекомендаций Верховного Суда РФ на этот счет нет.

К безусловным негативным явлениям, противостоящим конституционным ценностям, относятся разнообразные фиктивные семейно-правовые акты (фиктивные развод, брачный договор, раздел общесупружеского имущества, иск о взыскании алиментов, признание отцовства, усыновление/удочерение, опека). В доктрине они исследованы – почва для законотворчества создана, но ничего не происходит. Единственной реакцией на столь вопиющий негатив является норма ст. 27 СК РФ о фиктивном браке (а также последняя новелла о противодействии фиктивных браков с мигрантами в целях получения российского гражданства). Остальные вариации либо становятся объектом судебной оценки (с непредсказуемым результатом из-за отсутствия нормативной базы), например, фиктивный развод, в том числе сопряженный в ряде случаев с фиктивным брачным договором [10], или фиктивное усыновление/удочерение (через процедуру отмены судебного решения), либо «зависают» в житейском пространстве в качестве образцов известного антипринципа «нельзя, но если очень хочется, то можно».

Как известно, идея о хотя бы частичной (там, где этого насущно требует принцип справедливости) защите интересов фактических супругов – непроходимая, о чем свидетельствует ближняя история с законопроектом о социальных льготах для фактических вдов участников специальной военной операции. Поскольку в декабре 2023 года на встрече членов семьи защитников Отечества с Президентом РФ был означенный вопрос поднят и им оценен как актуальный, требующий незамедлительного разрешения, в январе 2024 года в Государственную Думу РФ был представлен проект закона о внесении дополнений в ст. 14 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), что неизбежно вело к уточнению наследственного права и социального законодательства [11]. С одной стороны, проект критиковался (в доктрине) как не обеспечивающий защиту других значимых семейных интересов [12–13], с другой (в среде депутатов) – как не отвечающий традиционным семейным ценностям в их классическом понимании (включая приоритетную и безусловную защиту зарегистрированного супружеского союза – против фактического). В итоге через полтора года (!) дискуссии на выходе нам явился закон, во-первых, исключивший для применения льгот фактическое супружество без общих детей, а для союза с ребенком (детьми) – увеличивший срок совместного проживания до трех лет, во-вторых, зафиксировавший только льготы по социальным выплатам (ст. 5 ФЗ от 31.07.2025 г. №317-ФЗ). При этом, разумеется, никакого приравнива-

ния ни в ГК РФ (что предлагалось в исходной редакции), ни в СК РФ такого семейного союза к «законному» браку не произошло. Между тем фактические браки с участниками СВО, хотя бы *post mortem*, не заслуживают, на наш взгляд, такого «обрезания», а само решение – не соответствует результатам изначального обсуждения проблемы на президентском уровне. Согласны, что классическое супружество – одна из традиционных российских семейных ценностей, но не меньшую (если не большую) ценность составляет справедливая защита прав и интересов участников СВО и членов их семей. И в этом плане, пожалуй, вторая ценность должна доминировать над первой и многими другими.

В институте родительства и детства нам видится несколько аспектов обсуждаемой тематики. Во-первых, сохраняющаяся дискриминация в вопросе оснований их возникновения – вопреки безусловной ценности равенства возможностей детей независимо от обстоятельств их рождения [14]². Так, в норме ст. 49 СК РФ об установлении внебрачного отцовства в исковом порядке, «из пены морской», появилось указание судам принимать во внимание только достоверные доказательства. Видимо, при разрешении других категорий дел это – необязательно. Подобная фраза свидетельствует о том, что законодатель не до конца избавился от влияния концепции известного указа, поставившего детей, рожденных вне законного супружества, в положение «юридических изгоев». Еще более явным образом это подтверждается как формулой нормы ст. 50 СК РФ (об ограничении предмета доказывания факта отцовства умершего лица только обстоятельствами его прижизненного признания своего родительства)³, так и отказом законодателя при введении в действие СК РФ распространить справедливую норму ст. 49 (придав ей обратную силу) на отношения, возникшие до принятия нового кодекса, оставив тем самым часть детей в «темных временах» ст. 48 КоБС РСФСР. При этом Конституционный Суд РФ только в конце 2024 года оценил судебную практику применения данной нормы как не соответствующую ее конституционно-правовым смыслом (то есть через тридцать лет)⁴.

² Кроме предложенной ссылки [14], см. также статью Е. Г. Комиссаровой «Равенство прав и обязанностей детей, родившихся от лиц, не состоящих в браке между собой (научное эссе в форме комментария ст. 53 СК РФ)», представленной для опубликования в «Демидовском юридическом журнале» № 1 за 2026 год.

³ То, что судам рекомендовано для иных ситуаций применять возможности предписания ст. 49 СК РФ, не снимает с законодателя упрека в дискриминации детей.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2024 г. № 55-П по делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье в связи с жалобой гражданки М. // СПС КонсультантПлюс.

Во-вторых, поиск законодателем эффективного решения проблемы реализации родительских прав в интересах матери, отца и ребенка, с опорой на равный семейно-правовой статус родителей, завершившийся на данном этапе законопроектом о совместном воспитании, вызывает у нас большие сомнения. С одной стороны, в проекте предусмотрены определенные условия запуска предлагаемой конструкции (место проживания родителей, их возможности по постоянной заботе о ребенке, интересы последнего и т. д.). С другой – в семейном, административном и гражданско-процессуальном законодательстве в принципе заложены гарантии участия обоих родителей в воспитании ребенка. Они реализуются в приемлемых вариациях в основном только тогда, когда на то есть добрая воля и матери, и отца. Это же вполне может заместить означенную законопроектную конструкцию, которая, будучи внедренной, опираясь в конкретных случаях на принуждение для своей реализации, вряд ли обеспечит оптимум в родительско-детских отношениях. При этом не исключаются родительские игры по типу «пинг-понга». Поскольку активного обсуждения законопроекта пока не наблюдается, видимо, следует подождать с продолжением критики, ибо оное обсуждение, по крайней мере, в профильном комитете Государственной Думы РФ, а также в аппаратах уполномоченных по правам ребенка, прояснит картину плюсов и минусов конструкции совместного воспитания, в том числе в сравнении с существующими возможностями.

В-третьих, настораживает и законопроект об обязательной медиации при расторжении брака с детьми. Данная технология, воспринятая нами из западной правовой системы, не слишком популярна и там, где она уже стала элементом юридической практики. Между тем этому конструкту могут быть предложены, именно для семейных дел, более адекватные процедуры, например, служба по урегулированию семейных конфликтов (из брака и родительства) в рамках судебной системы с привлечением судей в отставке, имеющих опыт разрешения таких категорий дел, и психолога-консультанта. Думается, что организационно-судебный контроль такой деятельности более соответствует сущности семейных конфликтов и обеспечивает профессионализм в попытке их досудебного снятия.

В-четвертых, конституционный призыв воспитывать детей в духе гражданственности, патриотизма, уважения к старшим предполагает формирование современной системы прямой и обратной связи воспитателей и детей: в административно-правовой сфере – это организация общественных объединений детской направленности (а также оптимизация уже действующих), развитие добровольчества (например,

поддержка участников СВО письмами, рисунками и т. п., помощь гражданам с инвалидностью, экологические акции), внедрение в образовательные школьные программы элементов обучения служением (в том числе участие детей в социально значимых проектах); в семейно-правовой – расширение сферы учета мнения ребенка (включая применение конструкции согласия), но главное – ответная реакция детей на воспитательный процесс в форме обязанности подчиняться законному воспитательному воздействию, уважения родителей (других попечителей или воспитателей на иных основаниях), посильного участия в делах семьи. Об этом мы неоднократно уже писали, поэтому и адресуем к другим статьям⁵.

В семейно-правовой имущественной сфере наиболее остро, на наш взгляд, высвечивают, в контексте дисгармонии с конституционно-правовыми смыслами, три темы. Первая: избыточная ориентация новеллы ст. 35 СК РФ на достижение цели устойчивости гражданского оборота – указание на добросовестность контрагента по сделке одного из супругов без нотариально удостоверенного согласия на нее второго супруга как на обстоятельство устойчивости договора не защищает интересы семьи, которая может лишиться, например, единственного семейного жилища; возможности нормы ст. 39 СК РФ о праве суда, в случае неприменения последствий недействительной сделки, отступить от равенства долей для семьи с невысоким или средним достатком, как правило, не решает проблему утраты жилья, ибо компенсация предполагает значительное иное имущество, подлежащее разделу [16]. При этом добросовестность стороны договора по отчуждению «семейного дома» может трактоваться в излишне либеральном ключе. Мы же полагаем, что разумные меры предосторожности (осмотрительности) должны включать проверку семейного положения другой стороны и наличие, при ее состоянии в браке, согласия супруга, не участвующего в сделке. Вторая: корректировка требований к содержанию брачного договора, так как действующий вариант не фиксирует значимого для интересов семьи условия – об обеспечении ее бюджета, включая жизненно необходимые затраты. Третья: хотя периодически «всплывающая» идея алиментного фонда (для поддержки детей, не получающих содержания от своих родителей) в очередной раз не заслужила положительного отзыва от Минфина РФ, в депутатском корпусе (от партии справедливороссов), в связи с внедрением в практику Госуслуг доступного списка злостных неплательщиков алиментов, проявлена инициатива к возврату к проблеме и идее. С одной стороны, позиция означенной госструк-

⁵ Из последних – см. статью в журнале «Семейное и жилищное право» [15] с подробной аргументацией и перечнем актуальных источников по проблеме.

туры понятна (ресурсы государства – не беспредельны), а поддержка семьи осуществляется во многих иных формах, с другой – можно все же поискать резервы, в том числе за счет некоторых сомнительных расходов.

Предложенные соображения, конечно, не исчерпывают всей палитры случаев дисгармонии между заявленными нами конституционными положениями и решениями законодателя и правоприменителя в сфере семьи, однако они демонстрируют, что тридцатилетний юбилей СК РФ надо не столько праздновать, сколько проектировать его оптимизацию.

Ссылки

1. Ильина О. Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2. С. 116-125. DOI 10.26456/vtpravo/2024.2.116
2. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33-52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
3. Матвеева Н. А. Семейное законодательство Российской Федерации и традиционные семейные ценности // Семейное и жилищное право. 2025. № 3. С. 18-20. DOI 10.18572/1999-477X-2025-3-18-20
4. Ильина О. Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12. С. 10-12. DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.010-022
5. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3. С. 26-34. DOI 10.26456/vtpravo/2025.3.026
6. Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. О концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения родителей и детей // Закон. 2022. № 1. С. 28-38. DOI 10.37239/0869-4400-2022-17-1-28-38
7. Тарусина Н. Н. Право на семейную жизнь и отказ от него: несколько социально-юридических этюдов // Закон. 2025. № 11. С. 102-111. DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-11-102-111
8. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78-85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85
9. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364-381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381

10. Микрюков В. А. Переделы в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 6. С. 46-56. DOI 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056
11. Богдан В. В. Брак post mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 3. С. 106-124. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan
12. Крашенинников П. В., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 15-18. DOI 10.18572/1999-477X-2024-6-15-18
13. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11-13. DOI 10.18572/1999-477X-2025-2-11-13
14. Комиссарова Е. Г. Культурно-ценностные доминанты в нормах семейного законодательства об установлении происхождения ребенка // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 134-145. EDN PXFNKH
15. Тарусина Н. Н. О долженствовании детей в семейно-правовой и иных сферах // Семейное и жилищное право. 2026. № 1. С. 15-17. DOI 10.18572/1999-477X-2026-1-15-17
16. Чефранова Е. А., Чашкова С. Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12. С. 23-44. DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.023-044